

Глава 1

Деревенские толки

Небо ещё не успело окончательно потемнеть, а в доме Ли Да уже ужинали.

Дверь в главную комнату была распахнута настежь. В последних лучах закатного света, проникавших снаружи, в самом центре помещения виднелся тяжёлый деревянный стол, покрытый чёрным лаком. Вокруг него стояли три длинные скамьи.

На столе теснились две большие миски. В одной высилась горка пышных, ещё горячих маньтоу, в другой — густая злаковая каша, подёрнутая наваристой рисовой пенкой. Рядом стояли две чаши из грубой керамики: одна — с кислой редькой, нарезанной кусочками величиной с фалангу пальца, другая — со свининой, обжаренной с капустой и тофу. Тонкие ломтики мяса, в которых полоски жира перемежались с постными частями, аппетитно поблёскивали в свете сумерек.

Ли Да, сидевший во главе стола, отхлебнул горячей каши и негромко произнёс:

— Завтра мне нужно наведаться в деревню Шили. Там в нескольких дворах пришла пора холостить свиней. Меня ещё полмесяца назад просили заглянуть, больше тянуть нельзя.

Всего три дня назад в доме хозяина отпраздновали радостное событие: его единственному гэ'эру, Ли Чжоучжоу, взяли в семью мужа-зятка — чжуйсюя. Свадебные хлопоты затянулись почти на полмесяца.

— Хорошо, отец, — отозвался Ли Чжоучжоу. Он давно привык к тому, что Ли Да часто уходит на заработки.

Отец хотел было добавить, что на этот раз не вернётся к ночи — путь до Шили неблизкий, дел много, наверняка задержится допоздна. Теперь, когда сын был под защитой Гу Чжао, старик мог быть спокоен. Раньше-то он вечно торопился домой потемну, не желая оставлять гэ'эра одного.

Однако слова застряли у него в горле, когда он взглянул на зятя. Тот, бедолага, не мог осилить даже одного маньтоу и теперь аккуратно разламывал его пополам.

«Ест меньше нашего Чжоучжоу», — подумал Ли Да и промолчал.

— Чжоучжоу, хочешь половинку? — мягко спросил Гу Чжао.

Ли Чжоучжоу посмотрел на протянутую руку. Пальцы мужа были тонкими и длинными, без

единой мозоли — настоящие руки учёного человека. Юноша покосился на отца и замялся, не решаясь взять угощение в присутствии старшего.

Край маньтоу легонько коснулся тыльной стороны его ладони.

— Чжоучжоу? — повторил Гу Чжао.

— А, да... да, спасибо, — юноша вздрогнул, боясь встретиться с мужем взглядом. Сохраняя внешнее спокойствие, он принял хлеб и принялся сосредоточенно жевать.

Только кончики его ушей предательски покраснели.

Ли Да, заметив эту сцену, вспомнил, что молодые женаты всего три дня. Он кашлянул и решил сменить планы:

— В Шили работы привалило, придётся зайти в несколько домов. Заночую там, так что завтра меня не ждите. Дома... — он посмотрел на щуплую фигуру зятя и вздохнул: — Чжоучжоу, присматривай тут за всем.

— Понял, отец, — тут же согласился гэ'эр.

Он уже давно вырос и не хотел, чтобы Ли Да изнурял себя ночными дорогами ради его спокойствия.

После ужина Ли Чжоучжоу споро принялся собирать посуду.

— Я сам со всем управлюсь, — бросил он через плечо. — Сянгун, иди лучше почитай.

— На улице стемнело, при свечах глаза только портить, — возразил Гу Чжао. — Давай вместе, так быстрее закончим.

В деревне редко какой мужчина соглашался возиться у плиты, особенно если в доме была жена или гэ'эр. Домашние хлопоты считались делом тех, кто «внутри»; мужчина трудился в поле и имел полное право вернуться к накрытому столу. Если бы кто узнал, что муж помогает по хозяйству — засмеяли бы.

Гу Чжао и без того вошёл в семью как чжуйской, и в деревне о нём судачили всякое. Супруг боялся, что сянгун уронит своё достоинство, но тот с самого первого дня настойчиво предлагал помощь. Чжоучжоу, будучи человеком немногословным, просто не знал, как ему отказать.

Стоило ему заикнуться, что он справится сам, как сянгун смотрел на него таким жалобным взглядом, что всякая решимость улетучивалась.

Кухня располагалась в боковой пристройке. В очаге ещё тлело полено, и вода в большом чугунном котле была тёплой. Ли Чжоучжоу принялся мыть чаши. Гу Чжао очень хотел помочь делом, но подступиться к котлу не вышло — гэ'эр двигался слишком быстро. Учёному оставалось только принимать чистую посуду и аккуратно расставлять её.

Эту работу Ли Чжоучжоу выполнял с шести-семи лет. Его а-де, родитель-гэ'эр, умер, когда мальчику было всего пять. Отец тогда ещё жил со всей семьёй Ли в старом доме, но позже из-за некоторых разногласий они отделились и стали жить своим хозяйством.

С малых лет юноша привык косить траву для свиней, а после раздела имущества научился и готовить, и стирать, и управляться со всеми делами в доме. Ли Да помогал, когда было время, но в страду он целыми днями пропадал в поле, и домашние заботы ложились на плечи сына.

Вскоре посуда блестела чистотой, а котёл был выскоблен. Ли Чжоучжоу подхватил деревянное ведро, зачерпнул воды из кадки и вылил в котёл — нужно было согреть воды для вечернего умывания. Гу Чжао, сидевший у огня, подбросил хвороста и невольно коснулся пальцами переносицы, вспомнив случай двухдневной давности.

Тогда он вызвался сам принести воды, но не смог поднять даже наполовину полное ведро.

В то же время Ли Чжоучжоу одной рукой, играючи, поднял до краёв налитую бадью. Гу Чжао тогда искренне восхитился:

— Чжоучжоу, ты такой сильный!

На кухне, кроме всполохов пламени в очаге, не было другого света. Муж не видел лица Ли Чжоучжоу, но почувствовал, что тот внезапно помрачнел. Он не стал спрашивать напрямую, а просто протянул руку.

— Что такое, сянгун? Тебе что-то нужно? — гэ'эр замер, решив, что муж хочет о чём-то попросить, но Гу Чжао приподнялся со скамьи и осторожно накрыл его ладонь своей.

— Холодно, — выдохнул он.

Гу Чжао хотел было сказать, что на улице похолодало, а Чжоучжоу только что возился с ледяной водой, но, коснувшись его кожи, понял: руки супруга были тёплыми, а его собственные — ледяными. Тогда он чуть капризно добавил:

— Чжоучжоу, я совсем замёрз. Согрей меня, а?

Ли Чжоучжоу, собиравшийся было отстраниться от смущения, замер. Сердце в его груди бешено заколотилось. Не зная, куда деть руки и ноги, он послушно позволил утянуть себя на скамью поближе к огню. То ли от жара пламени, то ли от близости мужа, его щёки запылали.

Но он послушно сжал ладони Гу Чжао в своих, согревая их своим теплом.

Осень уже вошла в полную силу, но в деревнях мыться каждый день было роскошью — дрова стоили дорого. Сполоснуться горячей водой и попарить ноги перед сном считалось признаком достатка.

Умывшись, домочадцы разошлись по своим комнатам.

После раздела имущества семья Ли Да стала немногочисленной — всего он сам да Ли Чжоучжоу, но дом они построили добротный, один из лучших в деревне. Три просторные комнаты из синего кирпича: в центре — главная комната для еды и бесед, а по бокам — личные покои отца и сына.

К дому примыкали пристройки: кухня и амбар. Просторный двор, обнесённый невысоким глиняным забором, вёл на задний двор к уборной, свинарнику и курятнику.

В комнате молодых было просторно. У стены возвышался обогреваемый кан, в ногах стоял шкаф для одежды, а у окна — новый, недавно сработанный стол. Раньше его здесь не было.

В прежние годы в комнате Ли Чжоучжоу не водилось никаких украшений — он совсем не походил на изнеженного гэ'эра. Только после свадьбы, поскольку его муж был человеком учёным и планировал в будущем сдавать государственные экзамены, в покоех прибавилось мебели и убранства.

Масляную лампу задули.

Ли Чжоучжоу скинул верхнюю одежду и в одном нижнем платье забрался на кан. Постель ещё не успела согреться. Послышался шорох, и рядом примостилось тёплое тело. В темноте юноша затаил дыхание.

Пересилив робость, он вспомнил о своём долге.

— Сянгун, ты... ты хочешь этого? — едва слышно спросил он.

Гу Чжао на мгновение замолчал.

— Я хотел просто поговорить с тобой.

Услышав это, Ли Чжоучжоу почувствовал легкий укол разочарования.

«Может, я недостаточно хорош? — терзался он. — Или сянгун разочарован тем, что я совсем не похож на хрупких гэ'эров?»

В голове зароились тревожные мысли. Син-гэ'эр рассказывал, что в первые дни после свадьбы мужчины бывают ненасытны.

— Чжоучжоу, можно я тебя обниму? — Гу Чжао обхватил мужа за талию. Его рука невольно скользнула по спине — даже через тонкую ткань нижнего платья чувствовалось, какой у Чжоучжоу крепкий и стройный стан.

Тот почувствовал, как по телу пробежали мурашки.

— М-м... — выдохнул он.

— Чжоучжоу, раз уж мы поженились, то стали одним целым. Если тебе что-то не по нраву, ты должен мне говорить, — сянгун сдерживал свои порывы, желая искренне поговорить по душам.

— Мне всё по нраву, — отозвался супруг. И тут же вскрикнул, когда муж легонько ущипнул его за талию. Было не больно, но так щекотно, что по телу разлилась странная истома. В ногах появилась слабость, и всё тело обмякло.

— Неправда. Когда на кухне я сказал, что ты сильный, ты расстроился.

Ли Чжоучжоу лежал, прижавшись к Гу Чжао, и мысли в его голове текли медленно. Он и не думал, что сянгун заметит такую мелочь. Сердце наполнилось нежданной сладостью, и он решил признаться.

— Я не знал, как сказать... Просто в деревне, когда говорят, что я «сильнее любого мужика», это не похвала. Я не такой, как другие гэ'эры. Я не мягкий, под руками у меня одни мышцы, и я совсем не изящный.

Гу Чжао слышал об этом и раньше.

В этом мире были мужчины, женщины и гэ'эры. Последние внешне походили на мужчин, но могли рожать детей. Гэ'эры от природы были более хрупкими, чем обычные мужчины, и хотя они не могли сравниться в нежности с девушками, местная красота мерилась именно этим: чем больше гэ'эр походил на девушку, тем краше он считался.

Ли Чжоучжоу был другим. Кость у него была тонкая, но он с детства не разгибал спины на работе. После раздела хозяйства он не только тянул на себе весь дом, но и в страду выходил в

поле. Работал много, ел плотно, и в пору созревания вытянулся очень быстро. К четырнадцати годам его рост составлял уже сто семьдесят пять сантиметров.

Тогда к Ли Да пришла сваха. Она сватала лентяя из соседней деревни, у которого была овдовевшая мать — женщина скупая и злая. Сын её и пальцем о палец не ударял, и если бы Ли Чжоучжоу попал в тот дом, его бы просто загоняли до смерти, как скотину.

Сваха тогда убеждала хозяина дома:

— Твой Чжоучжоу уродился таким... пока молодой, отдавай скорее. Деревни рядом, если что — поможешь. Какая семья хорошая, они даже не смотрят, что Чжоучжоу такой несуразный!

Они уже тогда прицеливались к добру семьи Ли.

Не успела сваха договорить, как разгневанный отец выставил её за ворота, размахивая метлой.

Оскорблённая, женщина заголосила на всю улицу:

— Я же для вашего блага стараюсь! Чжоучжоу уже четырнадцать, он же с каждым днём всё больше на мужика смахивает! Посмотрите, какой верзила вымахал! Если сейчас не пристроите, через пару лет на него никто и не взглянет! Да и родинка у него бледная — помяните моё слово, ни одного щенка не принесёт, а если и родит, то такого же уродца...

Ли Да окатил её ушатом помоев.

Сваха-то сбежала, но с тех пор в обеих деревнях пошли кривотолки. Она при каждом удобном случае ядовито предрекала:

— Вот увидите, Ли Да ещё вспомнит мои слова. Скоро его Чжоучжоу даже вдовцу с кучей детей не понадобится!

Слова были злыми, но деревенские нет-нет да и соглашались с ней.

— И верно, — шептались бабы, — ну и что, что Ли Да работающий? Гэ'эр у него такой, что замуж нестроишь, на всю жизнь обузой останется.

— Мальчишка-то Чжоучжоу дельный, спору нет: и дома, и в поле всё успевает. Но рожа... и впрямь всё больше на мужика похож.

— Я ещё когда Ли Да говорил — бери новую жену, пока молодой, рожай сына. Не послушал. Теперь вот пусть любитесь, много ли от гэ'эра проку?

Многие в деревне злословили от зависти. Хозяин дома был силён, урожай у него всегда был знатный, да и ремесло приносило доход — он мастерски холостил и забивал свиней. А в округе в каждом дворе держали хрюшек.

За работу Ли Да звали к праздничному столу, да ещё и ливер с собой давали. Когда у соседа жизнь ладная, люди всегда ищут, к чему придраться. И придирались к тому, что у него нет сына — род прервётся, а всё накопленное добро после свадьбы первенца достанется чужим людям.

Только эта мысль и грела их завистливые сердца.

Прошло пять лет. Ли Чжоучжоу исполнилось девятнадцать, а рост его достиг ста восьмидесяти сантиметров. Он стоял среди односельчан — выше многих сверстников-мужчин. Кто такого в жёны возьмёт?

Старая сваха всё так же лузгала семечки и язвила: «Я же говорила! Не видать ему мужа!» Ли Да долго копил гнев, и в один прекрасный день сорвался:

— У меня деньги есть! Найду своему Чжоучжоу мужа-зятка, пусть в наш дом входит!

Слухи об этом мгновенно облетели всю округу. Гэ'эры в этих краях ценились невысоко, и никто слыхом не слыхивал, чтобы им в дом мужей брали.

Отец начал строить новый дом, и одни только стены из синего кирпича ясно давали понять — прикопил он немало. Видимо, давно решил оставить сына при себе.

Идти в чжуйсю — дело постыдное. Но если раньше гэ'эров называли «убыточным товаром», то теперь ветер переменился. Нашлись те, кто не прочь был войти в семью Ли. Мало ли в деревнях бедных семей, где сыновей девать некуда, а на выкуп за невесту денег нет? Оборванцы быстро смекнули: Ли Чжоучжоу хоть и неказист, но всё же гэ'эр — и детей родить может, и постель согреет. А главное — приданое дадут, кормить будут, а как Ли Да дух испустит, так всё хозяйство в их руки перейдёт.

Приходили к отцу, напустив на себя важности: мол, мы согласны, принимайте нас, за такого-то верзила любой наш парень — подарок небес. Но хозяин только спрашивал сына: «Нравится?» Юноша качал головой — и женихи уходили ни с чем.

Те, кто ещё вчера в глаза смеялся над Чжоучжоу, теперь ломались в их дом, а получив от ворот поворот, злились пуще прежнего. Стали болтать, что гэ'эр, видать, принца дожидается.

Прошёл ещё год. Ли Чжоучжоу исполнилось девятнадцать, а мужа всё не было. Деревенские сплетники снова затянули старую песню: «Даже с доплатой мужика не найти».

И тут шестнадцатилетний учёный Гу Чжао из соседней деревни сам пришёл к Ли Да и сказал, что готов войти в их семью.

Сянгун был собой хорош — как говорят в деревне, краше любого гэ'эра. Ли Чжоучжоу влюбился в него с первого взгляда.

— ...Я всё боялся, что ты будешь меня стыдиться, — негромко продолжал Ли Чжоучжоу. — Я ведь ем много, руки у меня грубые, ростом я выше тебя, да и старше... К тому же родинка бледная, вдруг я и вовсе не смогу родить детей?

Всю жизнь он терпел насмешки, особенно в последние годы.

Гу Чжао всё это знал. Он жил в Восточной деревне и не раз слышал злые пересуды деревенских баб о «верзиле Чжоучжоу».

— Я никогда не стыдился тебя, — серьёзно ответил он. Под одеялом учёный нашёл ладонь супруга и нежно коснулся мозолей на его коже. — Когда я впервые увидел тебя, я подумал: неужели в этом мире есть кто-то столь же прекрасный? Ты высокий, стройный, и сердце у тебя доброе и честное. Ты — единственный в своём роде.

Ли Чжоучжоу впервые в жизни слышал такие слова. В груди стало тесно от щемящего чувства, а прежние обиды начали таять без следа. Его захлестнула волна нежности, и он, набравшись смелости, потянул за завязки своего нижнего платья.

— Сянгун... давай? — он запнулся, боясь отказа, и едва слышно добавил: — Я очень хочу.

Гу Чжао не был бы мужчиной, если бы устоял.

На этот раз всё длилось долго. Сянгун сполна смыл позор первой брачной ночи, когда от волнения закончил слишком быстро.

Ли Чжоучжоу быстро провалился в сон, успев перед этим крепко обнять своего «хрупкого и мёрзнущего» мужа.

Гу Чжао оставалось только лежать, чувствуя себя одновременно нелепо и невероятно счастливо. Он, не удержавшись, по-мальчишески потерся лицом о крепкие мышцы груди супруга.

Сон не шёл. В современном мире сейчас не было бы и девяти вечера.

Разговор с Чжоучжоу всколыхнул воспоминания о том, как всё началось — всего полмесяца назад, когда он только-только попал в этот мир...

<http://bllate.org/book/15349/1412268>